

Ю.А. Сорокин

Институт языкознания Российской Академии Наук, г. Москва

**КУЛЬТУРАЛЬНЫЕ И ЭТНОЛОГИЧЕСКИЕ НИШИ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ
ПОНЯТИЙ И ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИИ**

(лингвоэкологический микроэтюд)

**CULTURAL AND ETHNOLOGICAL NICHE: DEFINITIONS AND
INTERPRETATION (linguo-ecological microetude)**

Ключевые слова: культуральная ниша, этнологическая ниша, интерпретация, знак.

Keywords: cultural niche, ethnological niche, interpretation, sign.

Прежде чем давать определения этим двум понятиям и рассматривать эвристическую ценность того содержания, которое им «приписывается», представляется полезным и необходимым привести некоторый иллюстрированный – вербальный – материал, который и послужит основой для дальнейших рассуждений.

Этот материал дает следующее, хотя, видимо, и неполное представление об аксиологическом статусе составляющих культуральной ниши г. Юрьева-Польского: «Город Юрьев-Польский <...> расположен в 1 версте от станции, на обоих берегах р. Колокши. Основан он вел. кн. Владимирским Юрием Долгоруким в 1152 году. В 1178 г. сын его, Всеволод Юрьевич, в борьбе своей за великокняжеский престол с родным племянником, кн. Ростиславом Мстиславичем, избранным ростовцами, одержал над ним со своими владимирцами на Юрьевском поле, за р. Гзой решительную победу, доставившую ему великокняжеский престол, а владимирцам торжество над ростовцами, бояре которых, подстрекавшие кн. Мстислава ..., или пали на поле битвы, или были взяты в плен. <...> Уцелели в Юрьеве и многие очень интересные памятники, и прежде всего Георгиевский собор. Он основан кн. Юрием Долгоруким, но в 1230г. сломан за ветхостью кн. Святославом, который на месте его построил в 1234 г. нынешний каменный. Хотя этот замечательный памятник XIII в. загроможден громадной колокольной (70 ар. выс.) конца XVIII в., но остались нетронутыми восточная и южная стороны его, украшенные снизу до верху самой интересной каменной резьбой. В приделе Георгиевского собора погребён кн. Юрьевский Святослав Всеволодович, а близко от него и сын его св. кн. Дмитрий, скончавшийся схимником в 1269 г. В другом приделе собора хранится замечательный памятник 1224 г. – Святославов каменный крест, в 2 арш. 6 верш. вышины с вырезанным на нём распятием и рельефными изображениями святых; они, к сожалению, в новейшее время выкрашены красками. В соборе хранится ещё вклад царя Михаила Федоровича, царицы Евдокии и нескольких царских грамот. Другой интересный памятник в городе – Архангельский мужской монастырь с 4 церквями, обнесенный каменной стеной. Он основан в XIII в., но соборная

его церковь построена только в 1560 г. Здесь хранятся грамоты Василия Шуйского 1606 г. и Михаила Федоровича 1625 г. и евангелие, пожертвованное царями Иваном и Петром и царевной Софьей. Город Юрьев издали кажется довольно красивым, но внутри очень непривлекателен. Обстроен он очень дурно и очень неблагоустроен, хотя, несомненно, имеет промышленное значение по своим бумаготкацким и шерстоткацким фабрикам» (Россия ..., 1899: 268-270). Об его истории см. также: «Город Св. Георгия. Юрьев-Польский в старой открытке». Владимир, 2002 г. (Эта книга на редкость удачна).

Этот диахронический уровень описания и оценки составляющих культуральной ниши дополним синхронным описанием: «Город Юрьев-Польский среди Владимирской области занимает видное место, являясь центром одного из самых развитых сельскохозяйственных районов, располагающих плодородными почвами. <...> Своеобразной экспозицией в Юрьев-Польском филиале музея-заповедника является Георгиевский собор, жемчужина среди памятников белокаменного зодчества, сохранившийся со времен Владимиро-Суздальской Руси. <...> Полностью или частично восстановленные и потому легко угадываемые композиции на стенах собора сложны, красноречивы или глубоко символичны. Среди них «Троица», «Распятие», «Семь спящих отроков эфесских», «Даниил во рву львином», «Три отрока в печи огненной», «Вознесение Александра Македонского». Идея их могла символизировать «божественность» земли Владимирской, небесное ей покровительство, а также покровительство свыше самим юрьев-польским князьям и, в частности, Святославу... Наряду с ликами святых князей на стенах изображены дружинники, сказочные звери и птицы-сирины. И композиции, и отдельные личины или изображения тесно увязаны резным ковровым (растительным) орнаментом, которым искусные резчики вполне возможно хотели передать благодать земли русской. <...> После внешнего осмотра собора экскурсанты проходят внутрь его, где открыта выставка белого резного камня из числа тех, которые ... не были вложены в кладку в 1471 году В.Д. Ермолиным или найдены позднее. Из ста с лишним камней отобраны и отреставрированы наиболее интересные. Среди них – с изображением масок воинов-дружинников, а центральное место занимает композиция «Распятие, или Святослав крест» (Галкин, 1985: 67-68, 72).

«В одном из помещений Михайло-Архангельского монастыря размещена четвёртая экспозиция – выставка «Художественная резьба по дереву». Составили ее произведения деревянной скульптуры, относящиеся к XV-XIX векам» (Галкин, 1985: 77).

Аналогичным образом – на диахроническом и синхроническом уровне – представим составляющие культуральной ниши с. Варварино.

Диахронический уровень: «Годы сербской войны, добровольцев и, наконец, нашей войны с Турцией доставили Ивану Сергеевичу Аксакову (1823-1886) ораторскую славу и всемирную известность, увенчавшуюся кандидатурой его на болгарский престол, выдвинутой некоторыми болгарскими избирательными комитетами. За речь, произнесенную в

Славянском Комитете во время Берлинского конгресса с 13 июня по 13 июля 1878 г., порицавшую наших дипломатов, Аксаков был выслан из Москвы и провел несколько месяцев в селе Варварине, Юрьевского уезда, Владимирской губернии» (Энциклопедический словарь ..., 1890: 305).

Синхронический уровень: «Живописны места вокруг Варварина. Дома его расположены на возвышении. <...> В центре когда-то обширного села привлекает внимание своей архитектурой белостенное здание – родовое гнездо отставного майора Фотия Митькова, в семье которого в 1791 году родился будущий декабрист Михаил Митьков. <...> Входил Михаил Фотиевич в левое, объединившееся вокруг Рылеева, крыло. <...>

Сохранившийся дом усадьбы Митьковых бережно охраняется, регулярно ремонтируется. Сейчас в нём расположена библиотека совхоза имени РККА» (Галкин, 1985: 99-101)

Если проанализировать вышеизложенный материал, то можно прийти к следующему выводу: составляющие этих двух культуральных ниш описаны с различной степенью полноты и точности. Иными словами, для этих ниш характерна специфическая глубина памяти. Составляющим приписывается также различная ценность (вплоть до нулевой); составляющие диахронического и синхронического уровня не совпадают между собой (хотя возможность такого совпадения существует). Они в разной степени и эксплицитны и имплицитны. Для них характерны также «зоны молчания».

Этот перечень (или список, может быть, и открытый) составляющих носит слоевой характер, что, по-видимому, закономерно, если рассматривать памятник культуры как денотат, который может существовать лишь при наличии коннотатов (некоторой аксиологической оболочки, окружающей его). Если же рассматривать как семантему, то эти слои следует рассматривать как семантические доли, формирующие у реципиента полный или неполный образ семантемы.

Допустимо также понимание памятника и в качестве материального и апперцепционного (социально-психологического) кластера (пучка признаков), составляющим которого могут быть приписаны в зависимости от уровня рассмотрения (диахрония или синхрония) соответствующие эстимационные характеристики (положительные, нейтральные или негативные оценки). Таким образом, культуральная ниша может рассматриваться в виде набора входящих в нее денотатов и коннотатов или в виде семантем и семантических долей, или в виде материального и апперцепционного (социально-психологического) кластера. Но в любом случае культуральная ниша – это, прежде всего, образ, определенная ментальность, существующая благодаря материальному субстрату (памятнику).

Этот образ, как свидетельствует наш иллюстративный материал, может быть синхроническим и диахроническим, в разной степени полным и точным, эксплицитным и имплицитным, может быть переменным по своей ценности и «зонам молчания». Соответствующая структура этого образа формируется у реципиента в зависимости от статуса составляющих образа,

от степени мощности коммуникативной среды (о ней, но со специфической точки зрения см.: Виноградов, Коваль, Порхомовский, 1984), под которой целесообразно понимать следующее: это совокупность устойчивых межличностных и внеличных (ориентированных на образ, опредмеченный в некоторых знаках) навыков общения. Коммуникативная и материальная, среды (культуральные/этнологические ниши) находятся в отношении взаимодополнительности: информационная и аксиологическая дефектность одной предопределяет аналогичную дефектность и другой, что, в свою очередь, продиктовывает то или иное операциональное отношение) к вышеуказанным средам (сохранность/несохранность, целостность/нецелостность, польза/непольза, внимание/безразличие, живое/мертвое). Несбалансированность этих двух сред приводит к вполне определенному последствию: возникает комплекс негативных отношений и оценок (сознательных и бессознательных), сопровождающих «вхождение» в эти среды. Иными словами, возникают модели вербального и невербального поведения, характеризующего той или иной степенью деструктивности, пассивности и равнодушия.

Так, например, именно информационная дефектность характеризует раздел книги Ю.Г. Галкина, в котором рассказывается о с. Варварино: опущен факт, позволяющий расширить рамки культурального образа (рамки культуральной ниши) и повысить его статус за счет экспликации одной из составляющих, содержание которой весьма богато в общественно-политическом, идеологическом, литературном и литературоведческом отношении (см. в связи с этим: Сватиков, 1905; Ранние славянофилы ..., Цимбаев, 1986). Кроме того, все содержание этого раздела ориентированно на то, чтобы создать впечатление благополучия в отношении с. Варварино как культуральной ниши. Ю.Г. Галкин даже подчёркивает тот факт, что «сохранившийся дом усадьбы Митьковых бережно охраняется, регулярно ремонтируется. Сейчас в нем расположена библиотека совхоза имени РККА» (Галкин, 1985: 101).

Находящиеся в моем распоряжении фотографии с. Варварино, относящиеся к 1979 году, свидетельствуют о противоположном: эта экологическая ниша уже в этом голу была почти уничтожена, хотя еще существовал ее «фон» – несколько больших «порядков», из которых, собственно, и состоит каждое село. Сохранились лишь следы старого парка (сада), спускавшегося к Колокше, и боскеты, указывающие, что на этом месте когда-то стоял дом.

Вызывает сомнение и возможность регулярного проведения ремонта (о степени сохранности библиотеки можно и не говорить) «усадьбы Митьковых», ибо на моих фотографиях «дом Митьковых» (остальные сохранившиеся здания относятся, по-видимому, к числу подсобных) выглядят несколько иначе, чем у Ю.Г. Галкина (он, к сожалению, не указывает, в каком году была сделана его фотография). Если же учесть, что в 1982-83 гг. с. Варварино стало «неперспективным» из-за закрытия школы и магазина, а также из-за отсутствия к нему дороги даже среднего качества (сейчас село «восстановлено» (заселено) дачниками. Есть к нему и дорога. Но нынешнее

Варварино – это совсем другая ниша), то становится ясной и ложность конструирования того образа экологической (культуральной и этнологической) ниши (Экологическая ниша является тем «субстратом», который обеспечивает существование и функционирование культуральных и этнологических ниш.), которую описывает Ю.Г. Галкин.

Не менее дефектным, на мой взгляд, является описание Ю.Г. Галкиным и экологической (культуральной и этнологической) составляющих ниши г. Юрьева-Польского: в этом описании отсутствует необходимая полнота (о степени ее можно и нужно спорить), позволяющая образу этой ниши существовать как образу объемному, конкретному и эксплицитному.

Можно также указать на то, что даже «незаметное» смещение в коннотативном репертуаре этих составляющих имеет несомненный негативный смысл, влияющий на формирование установки по отношению к «знаку» культуральной/этнологической ниши. Таково, например, нынешнее толкование астионима Юрьев как Польский вместо Польского, хотя последнее в большей мере рационально и (эмотивно) – аксиологично: «В 5 верстах за Келлеровым дорога переходит по железному мосту реку Пекшу, а за р. Мурмогой вступает в ту обширную безлесную равнину, от которой город Юрьев поручил название Польского, и почва которой называется «юрьевским черноземом »» (Россия ..., 1899: 268).

Если учитывать, что «знак» культуральной/этнологической ниши (в качестве одного из ее составляющих) может рассматриваться (реципиентами) как свой или чужой, осмысленный или бессмысленный, имеющий определённую ценность или не имеющий ее, то в этих же категориях могут рассматриваться и все материальные и ментальные феномены, на которые указывает этот «знак». Осмысление этих феноменов в таких категориях предопределяет и телеологию вербальных и невербальных реакций на них - реакций, из которых, собственно, и состоит образ культуральной/этнологической ниши. Это осмысление опирается не только на то или иное (достаточное или недостаточное) толкование «знаков», составляющих ее образ, но и на толкование их как экофильных или экофобных (см. в этой связи статью К.И. Шилина (Шилин, 1985), в которой анализируются 12 принципов экофильности). По-видимому, в противоположность, например, японцам или китайцам (об их традициях в толковании взаимообусловленности отношений между природой и человеком, – традициях, которые не могут рассматривать в качестве анахронизмов, см.: Человек и мир ..., 1985; Проблема человека ..., 1983), мы истолковываем эти знаки как сигналы, указывающие на что-то враждебное или противостоящее, а не на близкое или аналогичное.

Может быть, наше отношение к культуральным/этнологическим нишам обусловлено и тем, что памятники (в любой знаковой форме их существования) мы привыкли рассматривать, прежде всего, как тела знаков (А.А. Леонтьев), забывая о тех смыслах, носителями которых являются материальные тела знаков, или, точнее говоря, забывая о том, что эти смыслы

формируются в процессе соответствующим образом структурированной и субъект-объектной, и субъект-субъектной деятельности.

Литература

1. Виноградов В.А., Коваль А.И., Порхомовский В.И. Социолингвистическая типология. Западная Африка. – М.: Наука, 1984. – 136 с.
2. Галкин Ю.Г., Юрьев-Польский (историко-краеведческий очерк). – Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1985. – 200 с.
3. Проблема человека в традиционных китайских учениях. – М.: Наука, 1983. – 282 с.
4. Ранние славянофилы. Хомяков А.С., Киреевский И.В., Аксакова И.С. Аксакова К.С. – М.: Перемена, 1910. – 121 с.
5. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. – Петербург. - Т. 1. – 1899.
6. Сватиков С.Г. Общественные движения в России (1700-1895). – Ростов-на-Дону, 1905.
7. Цимбаев Н.И. Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли. – М.: МГУ, 1986. – 269 с.
8. Человек и мир в японской культуре. – М.: Наука, 1985. – 281 с.
9. Шилин К.И. Экологичность японской лирики. // Человек и мир в японской культуре. – М.: Наука, 1985. – 224 с.
10. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. – СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1890. - Т. 1.

References

1. Vinogradov V.A., Koval' A.I., Porhomovskij V.I. Sociolingvisticeskaja tipologija. Zapadnaja Afrika. – М.: Nauka, 1984. – 136 s.
2. Galkin Ju.G., Jur'ev-Pol'skij (istoriko-kraevedcheskij ocherk). – Jaroslavl': Verhne-Volzhscoe knizhnoe izdatel'stvo, 1985. – 200 s.
3. Problema cheloveka v tradicionnyh kitajskih uchenijah. – М.: Nauka, 1983. – 282 s.
4. Rannie slavjanofily. Homjakov A.S., Kireevskij I.V., Aksakova I.S. Aksakova K.S. – М.: Peremena, 1910. – 121 s.
5. Rossija. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego otechestva. – Peterburg. - Т. 1. – 1899.
6. Svatikov S.G. Obshhestvennye dvizhenija v Rossii (1700-1895). – Rostov-na-Donu, 1905.
7. Cimbaev N.I. Slavjanofil'stvo. Iz istorii russkoj obshhestvenno-politicheskoj mysli. – М.: MGU, 1986. – 269 s.
8. Chelovek i mir v japonskoj kul'ture. – М.: Nauka, 1985. – 281 s.
9. Shilin K.I. Jekologichnost' japonskoj liriki. // Chelovek i mir v japonskoj kul'ture. – М.: Nauka, 1985. – 224 s.
10. Jenciklopedicheskij slovar' F.A. Brokgauza i I.A. Efrona. – SPb.: Brokgauz-Efron, 1890. - Т. 1.

(0,4 п.л.)